Вопрос «на засыпку»

Знаете ли вы, когда Всемирный день поэзии? Однажды профессор Быков пообещал студентам за это «автомат»...

Ирина КЛЕПИКОВА

Так и было. Несколько лет назад, придя 21 марта на лекцию к студентам филологического факультета, Леонид Петрович поинтересовался. знают ли они, «какой сегодня день». Под ёрничанье, ухмылки, переглядки только один сразу сказал про День поэзии. Кстати, профессор слово сдержал. На зачёте по современной литературе парень с порога получил «автомат». И профессор Л. Быков не считает, что поступил непедаго-

-В последнее время, увы, могу залавать такие вопросы безболезненно очень редко. Естественно, спрашиваю не какието малоизвестные детали. А например - круглые даты классиков или заметных фигур XX столетия. Приятно, когда вижу несколько поднявшихся рук. Но часто будущие филологи, культурологи, журналисты не обнаруживают знаний очевидного. Обидно. В годы моей юности это среди нас было общеизвестно.

-Время такое было? Или окружение способствовало?

-Мне страшно повезло. В моё время (а это оттепель и сразу после неё) литература, и поэзия в частности, имели режим наибольшего благоприятствования. В нашем классе человек 10-15 читали журнал «Юность». Было неловко не знать чего-то из её публикаций! А когда директор нашей школы опубликовался в «Новом мире», в журнале Твардовского – для меня это было таким событием! Математик, «сухарь» - и вдруг документальная проза о своём военном детстве. Как он вырос в моих глазах!

-Не благодаря ли ему в школе появился поэт Степан Щипачёв, который, насколько я знаю, чуть ли не благословил вас в литературу?

–Щипачёв же – из деревни Шипачи Богдановичского района. Когда бывал на Урале, посешал многие места. В том числе и мой ролной Сухой Лог. Мы, полростки, воочию увидели человека, который крайне много сделал для отечественной литературы. Знаменитые строки «Любовью дорожить умейте, с годами дорожить вдвойне...» немного назидательны, но тогда они звучали как откровение. Открылась некая «форточка»: оказалось, о достаточно интимных вещах можно говорить тактично и не ханжески... Так вот, на встрече в школе Степан Петрович пробежал две-три странички моих стихов и произнёс фразу, которую я часто теперь и сам использую: «В ваши годы я писал хуже». Благородно. С годами я ещё больше оценил это. Помните, кстати, историю с Мандельштамом? Его мать показала стихи сына Сергею Маковскому, редактору «Аполлона». Маковскому стихи страшно не понравились. Он уже хотел сказать юному поэту: «Да бросьте это занятие!». Но вдруг, по его собственному признанию, встретился глазами с подростком, понял, что тот ждёт оценки как приговора на всю жизнь, и сказал: «Вы

талантливы!». Всякий раз, когда общаешься с молодыми поэтами, сознаёшь, как это важно - поддержать. Но вместе с тем и привить понимание: есть стихи и есть поэзия. Азы и вершины. В Царскосельском лицее рифмовать умели все, но не каждый, овладевший азами версификации, становился поэтом. И как же важно вовремя понять про себя: возможно, строчки, выдохнувшиеся в юности, были лучшими и не стоит дальше этим заниматься. Я про себя это понял. На уровне профессионализма, друзья поэты, умею рифмовать не хуже вас,

-...Но всё-таки никогда не поверю, что вы ушли в литературную критику по банальной формуле «Критик - несложившийся прозаик или стихотво-

–Амбиции-то были вообще... журналистские. Но на журфак нужны были тогда обязательные два года рабочего стажа. А я - после школы, и решил: поступлю на филфак, сдам первую сессию и переведусь. Но когда оказался здесь - почувствовал: меня эта среда вполне устраивает. Более того, сейчас, оглядываясь на более чем 40 лет после окончания УрГУ, сознаю все преимущества филологического обра-

«Как слово наше отзовётся?..». Поэтический экспромт от Быкова в «Белой галерее»

зования. Сегодня я имею счастливую возможность писать обо всём, что хочу.

-Тогда, извините, вопроспровокация. В 1950-70-х на филфаке УрГУ преподавал мой родной дядя, старший брат отца, Аникин Геннадий Викторович. Специалист по английской литературе, знавший языки, преподававший русский в Индии, он был для меня небожителем. Как, впрочем, и его коллеги. А с 80-90-х в народе начала гулять фраза: «Филолог - это не профессия»... -Я бы даже ещё более драма-

тизировал эту тревогу. Когда я учился, на филфаке не было ни одного доктора наук. При этом работали Иван Алексеевич Дергачёв, Александр Константинович Матвеев, Геннадий Викторович Аникин, Владимир Владимирович Кусков, мой учитель Александр Сергеевич Субботин... Кандидаты и доценты. Но, действительно, небожители! Сегодня на кафедре, которой я руковожу, шесть докторов наук. Но не думаю, что уровень образования, филологии сеголня выше, чем в ту пору. Нисколько не сомневаюсь в профессиональном авторитете своих коллег, но происходит девальвация степеней и званий, связанная - и это главное! с общим отношением к слову. Самое страшное сегодня в стране не девальвация рубля, а деваль-

-Да, прежде отношение к

слову было сакральным. -На всех уровнях! Читателей. Писателей. Властных структур. Советская власть, как бы к ней ни относились, сознавала ценность литературы. «Лев Толстой как зеркало русской революции» Ленина - блестящая критическая статья: со знанием творчества Толстого, умением вписать его в контекст идейнополитической борьбы эпохи. Для критика это чрезвычайно важно. Не представляю, чтобы кто-то ныне из властей предержащих написал бы статью «Виктор Пелевин как зеркало русской контрреволюции».

А Сталин?! Он читал всё. В комитете по Сталинским премиям, членам её - литераторам, он даже указывал на вещи, которые они незаслуженно оставили без внимания. Литература была «колёсиком и винтиком общепролетарского механизма» (вспомним статью «Партийная организация и партийная литература»). Я вовсе не хочу, чтобы «Единая Россия» принимала постановления по литературе, аналогичные постановлениям ЦК КПСС. Но! Мы с вами, например, сегодня говорим отчасти и благодаря... этим постановлениям. Поясню. В 1972 году вышло постановление «О литературно-художественной критике», в 1974-м - «О работе с творческой молодёжью». И я, выпускник университета, пописывающий уже критические статьи, «попал в струю». Из всех моих опусов, что я приносил в редакции журналов и газет, не напечатано всего четыре материа-

ла. За всю жизнь! -Это какие же и за что бы-

ли отвергнуты? -Для стенной газеты филфака, когда Ельцина исключили из ЦК КПСС, я написал статью, в которой выразил несогласие с этим решением. Но стенгазетато была органом парторганизации, и секретарь партбюро ска-

зал: «Нам же не поздоровится...». В 1980 году, в Москве, на Всесоюзном совещании молодых писателей, я представил свои статьи про Светлова, Николая Островского. Следом приглашают в редакции «Литературного обозрения», «Нового мира», «Нашего современника». И один из журналов заказывает рецензию на стихи уральского поэта Людмилы Татьяничевой. Хорошего поэта! Я написал. Но в благожелательной, в общем, статье позволил себе два абзаца критического толка. И журнал вернул статью с извинениями: «Вы знаете, Людмила Константиновна секретарь Союза писателей...».

Да дело-то не конкретно во мне. Отношение к литературе какое было! Если даже литературная критика стала в тот момент объектом внимания на государственном уровне. И не по остаточному принципу.

-Леонид Петрович, а почему из всех возможных «предметов изучения» вы выбрали современную литературу? Мне ли вам говорить, как много здесь ширпотреба. Не интереснее ли было заняться клас-

-Когда мои студенты для курсовых, дипломных работ выбирают самые громкие, самые любимые имена (Ахматова, Цветаева, Бродский, Пастернак), я им говорю: «В лучшем случае сказать СВОЁ вам удастся здесь в двух-трёх придаточных предложениях. Лучше пойти по критической целине. Пусть коряво, наивно, но это будет своё слово».

В чём преимущество литературной критики? Литературовед претендует на то, чтобы сказать последнее слово о произведении, авторе (обозначить их место, встроить в историю). А критику важно сказать первое слово. Не скрою: по окончании УрГУ я получил предложение прийти на кафедру классической литературы. Но для меня не стояло выбора: фольклор, классика или современная литература. Однозначно - последнее. Видимо, сказался «журналистский импульс», ведь разговор о литературе давал возможность говорить о жизни. Это преимущество сохраняется и сегодня. Другое дело, что в условиях девальвации слова, в том числе и критического, этот резонанс от-

-В вашей книге «От автора...» наткнулась на парадоксальную фразу «Критика бес-

полезна, но необходима». -Это я переиначил высказывание драматурга Эжена Ионеско «Театр бесполезен, но необходим». С критикой - то же самое. Воспринимать её утилитарно (автор написал, а критик, подобно школьному учителю, бегает с указкой: «Вот тут у тебя, батенька, хорошо, а здесь - не очень») - это глупо, претенциозно, наивно. Я для себя избрал «закон заслуженного собеседника» - мне кажется, это и есть «формула критика».

Обратите внимание: в театр, кино мы редко ходим в одиночку. Вовсе не в силу семейного положения или сердечных пристрастий. Просто всегда хочется поделиться хоть парой слов о том, что увидели, услышали, прочитали. Критика - тоже собеседование, а критик, стало быть, собеседник. Кстати (улыбается), психологи объясняют, почему бутылка всегда распивается на троих. Не только потому, что на 2-87 или 3-12 было легче сложиться. Три человека - условие непрекращающейся беседы. Вспомните: в поезде два попутчика говорят, говорят, и вдруг возникают зоны тягостного молчания. А втроём можно разговаривать сутками. Вот собеседником в критике и хочется быть. С писателем и с читателем. На троих (смеётся).

-Писателя, читателя, критика объединяет главное язык. Объясните, что происходит с «великим русским»? Хоть застрели, даже лучшие из нынешних авторов не приблизятся к живописности Достоевского или Тургенева. Язык явно оскудевает. При -В пушкинские времена бо-

ялись засилья слов-аналогов из голландского, французского, немецкого. Сегодня - экспансия англицизмов и вульгаризация языка за счёт криминальной лексики. Даже политики подают не лучший пример. Но язык возьмёт своё. У гидрологов есть понятие «самоочищение волоёмов». Нечто подобное - и с языком. Меня же больше беспокоят бюрократизмы. Представляете. место, где мы с вами разговариваем, называется «Департамент «Филологический факультет»! А уж аббревиатуру сегодняшнего названия университета и выговорить невозможно. Причём там фантастическая тавтология. Я как филолог не согласился со всеми этими глупостями. Выступил. А мне говорят: «Не ваше дело. Так решено наверху». Знаете, название передачи

«Пусть говорят» глубоко символично сегодня. Пусть говорят! Про политику, экономику, коммунальные беды. Чиновник (на любом уровне!) чихал на всё. Отсутствие обратной связи, собеседничества - то, что угрожает будущему России. Одна надежда – на критику (литературную в том числе). И не удивляйтесь! Она - сфера воспитания общества. Да, читатели редко бывают довольны современной литературой, но ведь и литература редко довольна современниками. Художник всегда грезит идеалом. С желанием приблизить его пишут свои книги авторы, а статьи - критики. Увы, власть воспринимает это порой как оскорбление. Меня как филолога беспокоит: понятие «терроризм» стало трактоваться широко. Любое несогласие с властной инстанцией подводится под «экстремизм», а это уже – статья. Вот вам пример девальвации языка... Но будем надеяться на «самоочищение водоёмов».

-Помните, «ОГ» брала у вас интервью по поводу программы Путина «100 книг»? Вы влёгкую назвали имена лучших авторов отечественной литературы на все буквы алфавита. Критик должен всё -В 2011 году в России вышло

113 тысяч названий книг! Где же всё прочесть? Человек в лучшем случае читает книгу в неделю. Значит, в год - 50 книг. При средней продолжительности жизни лет в 60 можно прочесть 3000 книг. Всего! А я как-то спросил в книжном магазине, какой ассортимент у них представлен. 33 тысячи названий. Улавливаете разницу между тем, что можно и возможно прочесть? С улыбкой вспоминаю свою юность: увидев на полке хорошую книгу, я (если денег с собой не было) прятал её во второй ряд среди политлитературы. Потом, заняв или подкопив денег, приходил, доставал книгу и шёл на кассу... Сегодня есть всё. Другое дело – цены. Когда-то однокурсник нажился на мне, продав том Цветаевой из «Библиотеки поэта» за пять рублей: книга стоила всего полтора рубля, но в продаже этой серии просто не было.

-И всё же вернусь к вопросу: чтобы одолеть необходимый критику минимум (или максимум) книг - используете скорочтение?

-Нет, так я просматриваю газеты. От и до. А книги? В студенчестве у меня было счастливое свойство: если книгу подержал в руках - я навсегда помнил её содержание. Даже неловко было перед однокурсниками: они в сессию дневали и ночевали в читалке, я же позволял себе более раскрепощённый режим, а потом приходил и получал «пять»...

-Образно говоря, вам можно поставить круглую «пятёрку» и за серию «Выдающиеся поэты Отечества», которую выпускало Средне-Уральское издательство. Вы были составителем, автором вступительных статей и комментариев к произведениям Твардовского, Мандельштама, Гумилёва,

Цветаевой... –Это был подарок судьбы! Мало кто обращает внимание на авторов примечаний, но мне иногда говорят: «О, так это вы делали эти книги!..». Тогда ведь каждую книгу вынянчивал годполтора. Сначала надо было добиться, чтобы Москва разрешила Свердловску издать Ахматову или Пастернака. Нам говорили: «Нет, Ахматову издаёт сейчас издательство имярек. Вставайте в очередь...». И комментарии в серии были не научные, как в академическом издании, они помогали ввести стихотворение в контекст жизни автора,

На 60-летии с внуком Володей. Тот мечтал сначала быть президентом, сегодня - поваром. А может, всё же вслед за

времени. Чтобы возникло ощущение полноты Поэта. Мне кажется, в поэзии, вообще, главное - не строчки, а личность поэта. Заметили: книги ПРО Пушкина, Ахматову, Гумилёва, Бориса Рыжего мы читаем иногда с большим интересом, чем их собственные. А почему? Важно соответствие между словом и жизнью. Стихотворец может написать афористичные строки, но строки, не более. Поэт за них отвечает жизнью и смертью.

-Непостижимо: как человек, очарованный поэзией, с не меньшим восторгом может относиться к... футболу? Как это уживается в вас?

-Да я болельщик с детства. Любимым игроком был Валентин Иванов из «Торпедо». Счастлив, что мне доводилось видеть игру Эдуарда Стрельцова: человек 90 минут «гулял» по полю, а потом ножкой коснётся мяча - и два гола... Сегодня этой команды в большом футболе нет. «Спартак» в центре внимания. Истинно народная команда: в лучшие свои годы она играла в живой, непредсказуемый футбол. Могла обыграть любую команду, могла и проиграть. Сейчас многое решает закулисье (и не только футбольное). А без непредсказуемости игра теряет свою прелесть.

На этом чемпионате Европы лучший футбол показывала сборная Германии: сама играла и другим позволяла. Испанцы в этом смысле - футбольная машина: против неё ничего не возможно сделать, и это уже не слишком интересно. Игра на то и игра (превозможение, неожиданность), что требует не только мастерства, а ещё и эмоций. Ради них приходят на стадион. -А вы как болеете?

-Внутренне очень эмоционально, но внешне это не всегда заметно. Хотя вроде я человек не самого засушенного свойства. Могу поспорить. Вот недавно – на бутылку коньяка. Жизнь очень механизируется, рационализируется. Эмоции дороги!

-Литература, футбол... В театре вы на всех премьерах. И это в то время, когда наибольшие дивиденды приносит узкая специализация. Получается - разбрасываетесь?

-Это от любопытства к жизни. К разным её проявлениям. Сознаю: в ущерб семейным, отеческим, дедушкиным обязанностям. Не без этого. Но мне повезло: перестав быть студентом, я сразу превратился в преподавателя - это помогло сохранить студенческий азарт. Общение со студентами взаимовыгодное: с их стороны - интеллектуальный вампиризм, от преподавателя - эмоциональновозрастной. Донорство взаимное. Не позволяет стареть, скучнеть, бюрократизироваться.

-А преемника среди студентов видите? Или литературный критик - умирающая профессия?

-Нет, я более оптимистичен. Есть, есть умные головы. Хотя им (в отличие от нашей юности - времени оттепели) придётся непросто. Помните, раньше: в дневниках - первые строчки «русский язык» и «литература». Сегодня – увы. Скоро у нас будет один предмет - «словесность». Ещё не приняты законодательные акты, но тенденция идёт. А ведь литература - единственный предмет, который по самому высокому счёту отвечает слову «образование». Образование личности. С учителем литературы всегда можно было говорить помимо школьной программы. О жизни. И меня не устраивает сегодня натаскивание на «осведомлённость». Не фатально, если молодой человек ошибётся, в 1864-м или 1865 году Толстой начал писать «Войну и мир». Важнее - «... а поговорить?».

ДОСЬЕ «ОГ»

Леонид Петрович БЫКОВ Родился в 1947 году в г. Сухой Лог Сверд-

Окончил филологический факультет УрГУ

В 1977 г. защитил кандидатскую диссертацию «Жанровые разновидности русской советской поэмы 1929–1936 гг.», в 1995 г. – докторскую «Русская поэзия 1900-1930 гг. Проблема

творческого поведения». С 1978 г. – доцент, с 1996 г. – профессор Уральского госуниверситета. С 1991 г. заведует кафедрой русской литературы XX века.

С 1971 г. печатается в «Новом мире», «Литературном обозрении», «Юности», «Октябре» «Литературной газете».

Член Союза российских писателей (с 1991 г.), входит в редакционный совет журнала «Урал», учёный совет Объединённого музея писателей Ура-

Опубликовал более 100 научных статей и рецензий. Является составителем, автором вступительных статей и комментариев серии «Выдающиеся поэты Отечества» и однотомников Л. Филатова, Б. Окуджавы, А.Вознесенского, А. Володина, В. Шукшина, А. Солженицына, Г. Владимова, А. Вампилова, Г. Горина и других. Доктор филологических наук.

Жена Галина – преподаватель. Сын Илья и дочь Саша – предпринима-

вечере фотографу надо было взять чуть левее, ведь рядом с ним. читающим свои стихи, - Степан Шипачёв. Увы. в кадре - только плечо поэта

Леонид Быков

сожалеет: на

том школьном

и сегодня

Блиц-опрос

-В детстве какое-нибудь прозвище было? -Рыжик. Из-за цвета волос. У меня это даже было «пунктиком». Сегодня сознаю все преимущества этой «масти».

-В процентах сколько же места занимают в вашем доме книги?

-Перенасыщенный раствор! Самое обидное, когда знаешь: нужная книга в доме есть, но не знаешь – где. Бунин советовал не покупать новую книгу, пока не прочитаешь предыдущую. Не выходит. В этом смысле во мне – что-то от скупого рыцаря. В книги ведь смотришься как в зеркало: даже в известном тексте с годами видишь себя по-новому

Приаргунск. Стройотряд. отряде были порукастее, меня использовали чаше на подсобных работах или просветительских. О чём рассказываю? 0 тогдашней литературе»

-Неисполнившаяся мечта детства? -Не научился кататься на коньках.

-Вредные привычки и как боретесь с собой? -Грызть ногти. Бороться бесполезно. Успокаивает, что такая же вредная привычка была у Андрея Тарковского. Ещё – читаю, когда ем.

-Любимое место на родине, в Сухом Логу? -На берегу Пышмы. Лес, железнодорожный мост. И два высоких берега друг против друга. -Самая ругательная фраза, которой можете

припечатать нерадивого студента? -«Ну это прямо Фрося!». Или «Тут университет или кулинарный техникум?». Хотя с почтением отношусь к кулинарам. Вкусно приготовить, вкусно

написать – достоинства одного ряда.

-Как относитесь к выражению «Тяжелее ручки ничего в руках не держал»? Что умеете делать

 Недельное меню могу обеспечить. Борщ. Уха. Запечь рыбу в сметане или фольге... -Где предпочитаете отдыхать?

-Не умею. Не люблю. Но всю страну проехал благодаря литературным и театральным се-

-Какое время суток наиболее комфортно? —После 23. Все уснули. ТВ закончило работу. За окном всё затихло. До двух-трёх ночи – моё

-Тёзка Леонид Быков, актёр, - в числе куми-

–Мне вообще везёт на тезок. И по фамилии. И сочетание имени-отчества, Леонид Петрович, орфоэпически хорошо – ритмичным повторением е. о. и. -«Над вымыслом слезами обольюсь...». С какой книгой это случалось у вас?

-На слёзы я скупой. И нет книг, которые бы, по классику, «меня перепахали». Но близкий автор – Чехов. Он мне соразмерен. Толстой – слишком мошный по мировосприятию. Достоевский – по масштабу эмоций (на разрыв аорты!). А вообще книга обладает гомеопатическим действием, даже если она не открыта.